

Научная статья
УДК 140.8
<https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.6>

«Над тьмой безвременья...»: поэтическая эсхатология К.К. Случевского

Сергей Леонович Слободнюк

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург,
Пушкин, Россия, gumilev65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3982-0714>

Аннотация. В статье анализируются эсхатологические опыты К.К. Случевского («Подражание Апокалипсису», «Воплощение зла»). Опираясь на историко-философский и сопоставительный методы, автор исследования выявляет основные этапы деконструкции, в ходе которой К.К. Случевский лишает бытие пространственно-временных атрибутов, разрушает триединство христианского абсолюта и придает страданию онтологический статус. Гермenevтическое толкование «Подражания Апокалипсису» позволяет установить, что в системе К.К. Случевского Яхве в очередной раз низведен до уровня демиурга, а его творческие акты – до уровня селекционных опытов. Редукция креативной способности божества, по мнению автора, влечет за собой возвышение «огненного» атрибута. При этом «огонь» лишен стихийного начала и подчинен воле Великого Голоса, который напрямую соотносим с гностическим «Отцом». Сопоставление полученных результатов с критикой рационалистической методологии в «Воплощении зла» позволяет автору: 1) ликвидировать отдельные лакуны в осмыслении философского наследия К.К. Случевского; 2) впервые показать системную связь изученных текстов с онтологическими построениями поэмы «Элоа» и философией русского литературного модернизма.

Ключевые слова: абсолют, апокалиптика, бытие, демиург, зло, именование, огненная стихия, онтология, страдание, эсхатология

Для цитирования: Слободнюк С.Л. «Над тьмой безвременья...»: поэтическая эсхатология К.К. Случевского // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3. С. 42–45. <https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.6>.

Original article

“Above the darkness of timelessness...”: the poetic eschatology of K.K. Slucevsky

Sergey L. Slobodnyuk

Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Pushkin, Russia,
gumilev65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3982-0714>

Abstract. The article analyzes the eschatological experiences of K.K. Slucevsky (“Echo of the Apocalypse”, “Incarnation of Evil”). Basing on the historical-philosophical and comparative method, the author of the study identifies the main stages of deconstruction, during which K.K. Slucevsky deprives the being of spatio-temporal attributes, destroys the trinity of the Christian absolute and gives the suffering an ontological status. The hermeneutic interpretation of “The Apocalypse Imitation” makes it possible to establish that in Slucevsky’s system Yahweh is once again reduced to the level of the demiurge, and his creative acts are reduced to the level of selection experiments. The reduction of the creative ability of the deity, according to the author of the article, entails the elevation of the “fiery” attribute. At the same time, the “fire” is devoid of the elemental principle and is subject to the will of the Great Voice, which is directly correlated with the gnostic “Father”. Comparison of the obtained results with the criticism of rationalistic methodology in “The Evil Incarnate” allows the author of the article: 1) to eliminate individual gaps in understanding the philosophical heritage of Slucevsky; 2) for the first time to show the systematic connection of the studied texts with the ontological constructions of the poem “Eloa” and the philosophy of Russian literary modernism.

Keywords: absolute, apocalyptic, being, demiurge, eschatology, fire element, evil, naming, ontology, suffering

For citation: Slobodnyuk, S.L. (2022) “Above the darkness of timelessness...”: the poetic eschatology of K.K. Slucevsky. *Society: Philosophy, History, Culture*. (3), 42–45. Available from: [doi:10.24158/fik.2022.3.6](https://doi.org/10.24158/fik.2022.3.6) (In Russian).

Поэтическое наследие К.К. Случевского занимает особое место в истории русской философской мысли. Его тяжеловесный, перегруженный категориальным материалом стих нередко приводил в недоумение читателей и вызывал раздражение профессиональных критиков, не желавших копаться в словарях, чтобы проникнуть в суть рассуждений о «бытии времен» и борьбе «двух всегда враждебных сил», осложненной солипсистскими наклонностями Мефистофеля. В итоге фигура автора, оказавшего принципиальное влияние на формирование философских

воззрений русского литературного модернизма, как при жизни, так и по настоящее время продолжает прозябать на окраинах научного дискурса. В трудах, посвященных эсхатологической проблематике, имя К.К. Случевского отсутствует (Гранин, 2019; Иванов, 2019; Лян, 2020; Leontyev, Kurashov, 2019). В немногочисленных работах о творческом наследии поэта вопросы философского характера обычно освещаются фрагментарно: проблема фиксации «неуловимого», гностицистский элемент в осмыслении онтологической проблематики, бытийная взаимообусловленность добра и зла (Коровин, 2020; Фалеева, 2018).

В статье мы постарались расширить приведенный список, обратившись к двум концептуально значимым произведениям К.К. Случевского – «Подражание Апокалипсису» и «Воплощение зла». Первое представляет собой опыт создания оригинальной эсхатологии, второе – попытку критически осмыслить ключевые интерпретации зла и добра.

Вряд ли есть необходимость доказывать, что Откровение Иоанна Богослова было одним из наиболее востребованных текстов в эпоху fin de siècle. Однако в отличие от других авторов К.К. Случевский не стремится к созданию парафрасиса. Внимательному читателю сразу бросается в глаза хронологический сбой: «И наступила ночь тяжелая, глухая... / Виденье было мне! <...> Куда – и сам не зная, / Входил я в некий призрачный чертог. <...> Над тьмой безвременья, на привесах бесчисленных / Блистало множество больших паникадил»¹. Иоанн дает строгую последовательность событий, берущую начало в тот момент, когда апостол «был в духе в день воскресный, и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега», после чего, обратившись, чтобы узреть говорившего, «увидел семь золотых светильников и, посреди семи светильников, подобного Сыну Человеческому» (Откр. 1:10, 12–13). После этого следует рассказ о послании семи церквям, вознесении апостола etc. Лишь в главе 10 Ангел «клялся Живущим во веки веков... что времени уже не будет» (Откр. 10:5–6). У К.К. Случевского «тьма безвременья» явно утвердила себя до того, как героя посетило виденье.

Отмеченное, и далеко не единственное, отклонение от канона вряд ли можно объяснить простым желанием соригинальничать. Автор последовательно и целенаправленно разрушает традиционную структуру. Погружение мира в «тьму безвременья» сопровождается гибелью *начал*: «А глубоко внизу, обломки на обломках, / Над миром рухнувшим торчали острия, / И между них, блестя огнем чешуй в потемках, / Лежала мертвою библейская змея! / А подле голубь белый без движенья / Упал пластом, безжалостно измят, / И на груди его как бы изображенья / Семи великих ран виднелися подряд...»² – нет больше времени, нет (по сути) ни былого пространства, ни былого бытия, и нет победителей, ибо зло повержено наравне с добром.

Правда, в Откровении нет поверженного голубя. И *змеи* тоже нет. Иоанн пишет, что ангелами божиими «низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною» (Откр. 12:9) и скован «на тысячу лет» (Откр. 20:2). Однако в художественном пространстве К.К. Случевского свои законы. Так что превращение *змея* в *змею* вряд ли имеет принципиальное значение, чего никак нельзя сказать о гибели изначально бессмертного «Духа». Парадоксальность ситуации усугубляется тем, что вместе с *началами* находит свой конец ангел смерти (также, кстати, отсутствующий в Откровении): «И он был тоже мертв! лицо мне видно было; / Не мог я не признать в нем чудной красоты, / Хоть силою огня местами опалило / И покорило поблекшие черты!»³.

Дальнейшее развитие событий вызывает по меньшей мере удивление. Так, Иоанн завершает Откровение описанием Иерусалима, «который нисходил с неба от Бога» (Откр. 21:10), и словами Спасителя: «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами» (Откр. 22:14). На пороге грядущего счастья, когда «и Дух и невеста говорят: прииди» (Откр. 22:17), Агнец Божий делит человечество на достойных Иерусалима чистых и недостойных нечистых: «Псы и чародеи, и любодееи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду» (Откр. 22:15). В построениях К.К. Случевского Великий Голос, принадлежащий некоему Духу, обозначает иные перспективы. Явно не желая тратить время на определение заслуг/грехов потомков Адама и Евы, он провозглашает: «Бог кончил с опытом, довольно испытаний... / Не поросль – семя все испепелить пора...»⁴.

Однако здесь возникает вопрос: «Кого, собственно говоря, будет *уничтожать* Бог, если, по К.К. Случевскому, “весь мир погиб”?»⁵. Ответ – имена. Дело в том, что глобальная катастрофа по неведомым причинам оставила нетронутой огненную субстанцию, неразрывно связанную с историей о неопалимой купине, светильниками Патмоса и словами Иисуса: «Я есмь... звезда светлая и утренняя» (Откр. 22:16) – «Над тьмой безвременья, на привесах бесчисленных / Блистало

¹ Случевский К.К. Стихотворения и поэмы. СПб., 2004. С. 98.

² Там же.

³ Там же. С. 99.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 98.

множество больших паникадил. / Как бы пророчество какое выполняя, / Огни бестрепетно пылали, зажжены / От света Патмоса, от пламени Синая, / Рукой таинственной в чертог принесены!..»¹. Библейская природа огненной субстанции, казалось бы, входит в противоречие с не совсем христианской позицией К.К. Случевского. Тем не менее при ближайшем рассмотрении противоречие исчезает. Автор редуцирует атрибуты ветхо- и новозаветного божества: символ славы Создателя переходит на уровень демиургического *modus vivendi*, а сам акт творения приобретает эмпирическую окраску: «Бог кончил с опытом, довольно испытаний»². Тем самым верховное существо Заветов низводится К.К. Случевским до уровня демиурга, а «огонь», лишенный стихийной составляющей, оказывается могущественным орудием, при помощи которого был убит Ангел смерти, но пока еще поддерживается жизнь имен.

Продолжая деконструировать библейский дискурс («Я есмь Альфа и Омега» (Откр. 1:8)), автор объявляет основой бытия страдание: «Одно, одно страданье / Гореть над бездною осталось, не прошло. / В нем сущность мира! альфа и омега! / Страданья лишь одну пощадю обрели / И пламенно блестят, как светочи ночлега, / Над разрушением замученной земли...»³. При этом страдание выступает в единой связке с именами, время существования которых зависит от воли Великого Голоса. Как только последний выносит вердикт, определяющий дальнейшие действия божества: «И Он других создаст, а прежних уничтожит / Так, чтоб и в имени проказе не пройти / В то, что появится, в то, что Он приумножит / И в жизни поведет на новые пути...», – «И стали погасать, дымясь, паникадила! / Одни вослед другим погасли имена! / Тьма непроглядная отвсюду обступила, / Непоборимая, безмолвная, одна...»⁴.

Явная странность в отношениях Великого Голоса и библейского божества снимается при обращении к другим текстам К.К. Случевского, где автор откровенно отсылает читателя к учениям древних гностиков: «И Бог, и я – мы два враждебных брата, / Предвечные Эоны высшей силы, / Нам неизвестной, детища ее!..»⁵. Слова Сатаны, звучащие в онтологическом очерке из поэмы «Элоа», не оставляют места для разночтений: Яхве К.К. Случевского, действительно, демиург, ограниченный в возможностях и подчиненный воле первоначала.

Какова цель творческих актов *этого* божества? Устранение сокрытого в разуме несовершенства человеческой природы. Да, с одной стороны, согласно К.К. Случевскому, человек занимает чрезвычайно важное место в мироздании: «Когда же после множества исканий... / Мысль в человеке, наконец, пробилась, / В ней связка завязалась двух миров... / И был начертан дальний путь развития: / Через мысль – в бессмертье, и тогда-то нам / И мне <Сатане. – С. С.>, и Богу – человек стал нужен: / Он за кого – тот победит из нас»⁶. С другой стороны, разумное начало в современном человеке обладает рядом изъянов. В «Воплощении зла» поэт, не особенно стесняясь в выражениях, ставит диагноз рационалистическому мировоззрению: «Мышленье блудствует»⁷. Основной порок разума видится К.К. Случевскому в желании конкретизировать зло, поскольку, замыкая одно из начал в ряд понятий, человечество уходит от постижения его сущности: «Зачем тут видимость, зачем тут воплощенья, / Явленья демонов, где медленно, где вдруг – / Когда в природе всей смысл каждого движенья – / Явленье зла, страданье, боль, испуг...»⁸. Отдавая должное гению Апостола, К.К. Случевский тем не менее не отказывает себе в удовольствии пустить парфянскую стрелу: «На Патмосе, в свой день, великое виденье / Один, из всех людей, воочию видал... / Пал ниц... но – призванный писать – живописал!»⁹. Внешняя комплиментарность здесь сводится на нет оппозицией «писания» и «живописания», ибо «забавно прибегать к чертам изображенья; / Зачем тут – когти, хвост, Молох, Сатаниил?»¹⁰.

В «Подражании Апокалипсису» К.К. Случевский подвергает критике другое свойство человеческого разума, а именно – стремление к истине: «Пытливый ум людей, как прежде, в жизни ставит / Вопросы страшные о бытии времен...»¹¹. Если соотнести эти слова с приведенными данными, можно уверенно сказать, что под «пытливостью» скрывается «сомнение». Причем сомнение как принцип познания. Крайне любопытно, что методологическая порочность сомнения у

¹ Случевский К.К. Указ. соч.

² Там же. С. 99.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 99–100.

⁵ Там же. С. 569.

⁶ Там же. С. 570.

⁷ Там же. С. 54.

⁸ Там же. С. 55.

⁹ Там же. С. 56.

¹⁰ Там же. С. 55.

¹¹ Там же. С. 99.

К.К. Случевского проявляется только тогда, когда оно становится достоянием человека, соблазняя его реальной возможностью сравняться с божеством: «Пытливый ум людей, как прежде, в жизни ставит / Вопросы страшные о бытии времен... / Да кто же, наконец, из двух вас власть? Кто правит? / Они ли, смертные, или бессмертный Он?!»¹.

Проблема властвования, как, впрочем, и остальные проблемы, связанные с человеком, в эсхатологии К.К. Случевского разрешается просто и страшно – полное истребление. Повинуясь воле Великого Голоса, демиург-Яхве «других создаст, а прежних уничтожит», поскольку «Иначе на людей не отыскать управы, / Иначе не смирить их поврежденный ум...»².

Идея радикального исправления человеческой природы, выдвинутая К.К. Случевским в «Подражании Апокалипсису», стала закономерным итогом «игры» в древний гностицизм. Однако если в «Элоа» и «Воплощении зла» поэт ставил в центр рассуждения проблемы, связанные с диалектикой добра (творения, душевного познания) и зла (разрушения, рационального познания), то в «Подражании...» на первый план вышел вопрос об отношениях божества с человеком. И решение этого вопроса оказалось не в пользу последнего.

Список источников:

- Гранин Р.С. Эсхатология и утопия в русской религиозной философии // Человек: образ и сущность. 2019. № 4 (39). С. 9–22.
- Иванов М.С. Христианская эсхатология: вечность во времени // Вопросы богословия. 2019. Т. 2, № 2. С. 11–20. <https://doi.org/10.31802/2658-7491-2019-2-2-10-20>.
- Коровин В.Л. О христианских мотивах в «Элоа» К.К. Случевского на фоне «Элоа» А. де Виньи // Предсимволизм – лики и отражения / под ред. Е.А. Тахо-Годи. М., 2020. С. 257–271.
- Лян К. Эсхатология и спасение – религиозные мотивы в русской философии и современной русскоязычной литературе // Религии в России и мире: диалог, веротерпимость и конструирование идентичности : сб. науч. докл. / под ред. проф. Е.И. Аринина. Владимир, 2020. С. 149–159.
- Фалеева А.С. Философские мотивы лирических циклов Константина Случевского // Символ науки: международный научный журнал. 2018. № 10. С. 55–61.
- Leontyev G.D., Kurashov V.I. Dystopia of transhumanism in the context of general eschatology // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. Vol. 9, no. 1. P. 5176–5179. <https://doi.org/10.35940/ijtee.A9225.119119>.

References:

- Faleeva, A.S. (2018) Philosophical motives of lyrical cycles of Konstantin Sluchevsky. *Symbol of Science: International Scientific Journal*. (10), 55–61. (In Russian)
- Granin, R.S. (2019) Eschatology and utopia in Russian religious philosophy. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. (4), 9–22. (In Russian)
- Ivanov, M.S. (2019) Christian eschatology: Eternity within time. *Theological Questions*. 2 (2), 11–20. Available from: doi:10.31802/2658-7491-2019-2-2-10-20. (In Russian)
- Korovin, V.L. (2020) On Christian motifs in "Eloa" by K.K. Sluchevsky against the background of "Eloa" by A. de Vigny. In: Takho-Godi, E.A. (ed.) *Pre-symbolism – faces and reflections*. Moscow, IMLI RAN, 257–271. (In Russian)
- Leontyev, G.D. & Kurashov, V.I. (2019) Dystopia of transhumanism in the context of general eschatology. *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*. 9 (1), 5176–5179. Available from: doi:10.35940/ijtee.A9225.119119.
- Liang, K. (2020) Eschatology and salvation – religious motives in Russian philosophy and modern Russian literature. In: Arinin, E.I. (ed.) *Religions in Russia and the world: Dialogue, tolerance and identity construction*. Vladimir, Arkaim, 149–159. (In Russian)

Информация об авторе

С.Л. Слободнюк – доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=438015.

Information about the author

S.L. Slobodnyuk – D.Phil., Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Pushkin, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=438015.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.02.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 02.03.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 15.03.2022.

¹ Случевский К.К. Указ. соч. С. 99.

² Там же. С. 99–100.